

IX. ГОСУДАРСТВОВАНИЕ ГЕНРИКА,

И

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ПОСЛѢ НЕГО.

№ 58. 58. — 1573 и 1574. Вѣстовыя отписки Оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго Польскому королю Генрику и Литовскимъ раднымъ панамъ, о Московскихъ дѣлахъ.

I. — Ясневелможный, милостивый пане Троцкій, пане мой милостивый! Новины, годные вѣдомости вашей панской милости, пану моему милостивому, зъ сего краю даю вѣдати. Дали ми справу шпегу мои, ижъ великій князь Московскій, собравши войска немалые, просто тягнулъ до Казани, хотѣчи дати ратунокъ: бо дей Черемиса Луговая отъ него ся откинувши, дороги землею и водяные вси до тыхъ царствъ его залегли и до Казани не пропускаютъ, шкodu великую чинятъ, и тыхъ дей часовъ войска его осмь тысячъ на-голову поразили. Также дей и Нагайцы и иные орды отъ него ся откинули и Казань дей заповнѣ облегли. Якожъ тыхъ часовъ, Декабря пятого дня, въ субботу, у видію святого Николая, вышелъ полоненикъ зъ Москвы, на имя Иванецъ, подданный его милости пана старосты Жомойтского, зъ Шклова, который былъ у вязеню у Татаръ Московскихъ, за Москвою сто миль, у Мещерску (а вышелъ зъ Мещерска передъ Филиповыми запусты, и шолъ на

Александрову слободу и на Москву, а зъ Москвы до Смоленска, а зъ Смоленска ажъ тутъ до Орши); тотъ будучи у мене на Орши, далъ ми такову жъ справу, во всемъ згожаючися съ шпегами моими . . . (*). О князь великомъ повѣдилъ, ижъ дей самъ князь великій и зъ сынами своими есть въ Александровъ слободъ, зъ войска великими собрався, съ которыми маеть ити до Казани: Татарове дей, Нагайцы, Черемиса Луговая и иные орды Татарскіе отъ него ся откинули и Казань облегли, и самъ дей князь великій особю своею тамъ на ратунокъ тягнетъ; а запевнѣ дей зъ Александровы слободы вытягнетъ на день святого Николая. А небезпечности панства господара нашего жадно не повѣдаетъ, и повѣдилъ, ижъ людей военныхъ, почавши отъ Москвы ажъ до Смоленска, по тымъ городомъ нигдѣ нѣтъ и просто черни мало: всихъ дей зъ нимъ до Казани выгнано, а иныхъ, идучи по дорожъ, много жъ людей тягнучихъ на войну до Александровы слободы потыкалъ; для чого, зъ ласки Божой, покою отъ того непріятели на тотъ часъ великого сподѣваемся, якожъ тотъ же полоненикъ повѣдаетъ, ижъ слышалъ у Смоленску, штожъ отъ князя великого до воеводъ Смоленскихъ

(*) Въ этой и слѣдующихъ отпискахъ, мѣста не принадлежащія къ дѣлу, комплименты, жалобы и т. п. изъ текста исключены и замѣнены рядомъ точекъ.

наказъ пришолъ, абы въ границахъ спокойнѣ ся заховали, и берегли покою накрѣпко, и купцомъ тыхъ панствъ абы обидѣ жадныхъ не чинили, и ласкаво ся со всякою вольностью до нихъ заховали. А товары дей дорогіе, золотоглавы, оксамиты и иншіе дорогіе рѣчи до казны своею розказалъ брать и платитъ поцѣнно; а отъ своихъ дей купцовъ вси товары Московскіе розказалъ отбиратъ, то есть, сукна, кожухи всякіе, и бораньи шлыки: того дей не вѣдати, для чого, одно ся домышляють, яко бы мѣлъ дары даватъ Татаромъ. Ваша милость, панъ мой милостивый, о всемъ томъ рачъ вѣдати . . . Писанъ у — въ Орши, мѣсяца Декабря 5 дня, року 1573.

За тѣмъ слѣдуетъ приписка: Пыталъ же еси того: естли бы князь великій не мѣлъ которого умыслу противку панствамъ короля е. м. пана нашего? повѣдилъ, ижъ дей того не слышать, только дей тое на Москвѣ говорятъ, што зъ Литвою миръ выйдеть борзо, и вельно дей города осматривать. В. м., мой милостивый пане, о всемъ томъ рачъ вѣдати. Съ тымъ зычучи вашей панской милости въ ласцѣ Божой, при добромъ здоровью fortunного панованья . . . Писанъ у Ворши, Декабря 6, року 73.

II. — Освѣцонные и ясневелможные, милостивые панове рада великого князства Литовского, панове мои милостивые! Новинъ съ краю тутошнаго не мѣлъ еси чого вашей панской милости на тотъ часъ писатъ; одно то зъ земли непріятелскоѣ слышать, ижъ дей воеводы великого князя Московского, которые на Астарахани были и Астараханъ боронили, не могучи выдержати мощы Татаръ Нагайскихъ и Черемискоѣ, отъ которыхъ черезъ два годы у — въ облеженью были, и про недостатокъ живности, пороховъ и куль, ижъ ся вже боронити непріятелию своему чимъ не мѣли; а помочи и ратунку отъ господара своего мѣти не могли, зъ Астарахани утекли и бронною рукою ажъ до Казани вошли: то

пакъ дей Татаре и Черемиса Астараханъ № 58. осли и въ мощъ свою взяли. А съ Казани ся дей боронять мощно: одно дей также живности не доставаетъ и дровъ не мають, чимъ ся грѣть: будованье въ замку внутри все попалили. А такъ которые войска князь великій впередъ до Казани высалъ (яко еси о томъ первѣй до вашей панской милости писалъ), о тыхъ войскахъ еше ничего не слышать: але певнѣ есть тутъ слышать, ижъ до Казани пойдутъ и поратуютъ; бо дей и другіе войска, съ которыми до Инфлянтъ ся мѣлъ обернути, тамъ же послалъ, а съ королемъ дей Шведскимъ якобы некое дочасное перемирье взялъ; а тыхъ дей часовъ есть самъ на Москвѣ, и мѣлъ ѣхати до Новагорода Великого. В. м., панове мои милостивые, о томъ вѣдати рачте . . . Писанъ у — въ Орши, мѣсяца Генваря 26 дня, року 74.

III. — Освѣцонные и ясневелможные, милостивые панове рада великого князства Литовского, панове мои милостивые! Новинъ съ краю тутошнаго не мѣлъ еси чого вашей панской вѣможности на тотъ часъ писатъ: одно то съ земли непріятелскоѣ слышать, ижъ дей князь великій Московскій самъ и съ сынами своими тыхъ часовъ съ Москвы выѣхалъ до Александровы слободы, а вже дей о приѣханю его королевской милости пана нашего милостивого до Кракова чуетъ. Войска которые былъ распустилъ, тымъ зася поготову розказалъ быти. А съ Татары Нагайскими и съ Черемисою перемирье взялъ, и жалованье дей або поминки великіе имъ далъ, якобы около тыхъ царствъ постановлене зъ ними великое взялъ; Казань одержалъ, и на Астараханъ своихъ же воеводъ иныхъ послати мѣлъ. Послы его, которые до вашей милости пановъ радъ коруны Польской и великого князства Литовского, пановъ моихъ милостивыхъ, посланы, также и гонецъ, тые и теперъ лежатъ у Смоленску. . . . Тое тежъ слышать, ижъ опатрность великую якъ у Смо-

№ 58. ленску, такъ и по инымъ всемъ городомъ украиннымъ всякими потребами чинять. Ваша милость, панове мои милостивые, о всемъ томъ вѣдать рачьте. . . . Писанъ у — въ Орши, мѣсяца Марца 1 дня.

IV. — Освѣцонные и ясневелможные, милостивые панове рада великого князства Литовского, панове мои милостивые! По высланью до вашей панской милости отсюль зъ Орши тоге хлопца моего Лосятинского, сегодня у — во второкъ, Марца 2, прислалъ до мене съ заграничья шпекгъ мой, на имя Кузма Труба, посланца своего, даючи знать, ижъ дей на днѣхъ теперешнихъ близко прошлыхъ, люду Московского немалые войска до Смоленска прибыли, а людей пограничныхъ изъ сель отъ границъ приставщики выгоняють до Смоленска, и острогъ дей новый мощный въ Смоленску почали робить. А вѣльже для певнѣйшей и лѣпшой вѣдомости, тотъ Труба самъ еще на рубежу повосталъ; а я, слуга вашей панской милости, маючи такую вѣдомость, тогожъ часу и тобъ години другого есми шпекга Олексѣя Надавца тамъ же еще до границъ выслалъ, абы чого певного и неомыльного вывѣдавшися, мнѣ знать давали. Потомъ, скоро по отправѣ тыхъ шпекговъ, тогожъ дня у — во второкъ, Марца 2 жъ, другій шпекгъ мой, зъ другою стороны, зъ рубежа жъ Смоленского, на имя Юрко Желѣзковецъ далъ знать тымижъ словы, ижъ дей съ Смоленска приставщики Смоленскіе (не вѣдати, што тому за причина), людей всехъ съ сель съ заграничья до Смоленска выгоняють, и повѣдилъ, ижъ ся того запевнѣ вывѣдалъ, штожъ на тыхъ часѣхъ запевнѣ князя великого Московского съ сыномъ его меншимъ до Якимова починку сподѣваются, и люду дей военного немало до Смоленска прибыло. А сына дей старшого князь великій посадилъ на царствѣ, на Новгородъ Великомъ. Ваша милость, панове мои милостивые, о всемъ томъ

рачьте вѣдать Писанъ у Ворши, мѣсяца Марца 2 дня, року 74.

V. — Освѣцонные и ясневелможные панове рада великого князства Литовского, панове, панове мои милостивые! Даю вѣдати вашей панской велможности, паномъ своимъ милостивымъ: тыхъ часовъ, Марта третьегонадцать дня, въ субботу, прѣхалъ до Орши зъ Олександровы слободы служебникъ мѣщанина Виленского Лукаша Момонича, на имя Алексѣй (которому два вчорашнего, въ пятницу, двѣ недѣли минуло якъ зъ Олександровы слободы выѣхалъ, а якъ зъ Москвы выѣхалъ, вчорашнего жъ дня, въ пятницу, Марта второгонадцать, тыждень минулъ); тотъ Алексѣй о князѣ великомъ Московскомъ далъ такую справу, ижъ на тотъ часъ есть у Олександровъ слободъ, зъ обѣма сынами своими. О справахъ его наипервѣй то повѣдилъ, ижъ съ Черемисою и Татары Нагайскими перемирье взялъ, которые при бытности его, князю великому и присягу чинили и дары великіе отнесли, и были честованы черезъ колько дней великими достатки (на которыхъ дей чѣтахъ и тотъ Алексѣй съ иными купцами панствѣ его королевской милости господаря нашего милостивого межъ ними былъ); и вже дей запевнѣ князь великій при обоихъ тыхъ царствахъ, Казани и Астарахани, презпечно zostалъ. И чинили дей ему присягу, не только о тые царства съ нимъ покой заховатъ, але и противъ каждого неприятеля его ему помогати. Якожъ за певное и того тамъ же тые купцы вывѣдали, ижъ дей скоро, о святкахъ, по всехъ границахъ панства его королевской милости великого князства Литовского войска Татаръ Нагайскихъ и Черемискіе будутъ, гды бы до часу того покой съ нимъ оставленъ не мѣлъ быти. А къ тому и о томъ дей такъ слыхать, и сами дей Москва нѣкоторые, панствамъ тымъ зычливые, о томъ такъ говорятъ: «гды дей въ томъ року господарь вашъ съ государемъ нашимъ

дѣла якого дѣлати не будетъ, на другій дей годъ будетъ трудно до всего прійти.» А къ тому повѣдилъ тотъ Алексѣй тые новины: ижъ дей при бытности жъ ихъ, отъ царя Перекопского былъ у великого князя посолъ, которого дей пріймовалъ у городку Братошинѣ (межъ Александровою слободою и Москвою, впосродку по колькудесять верстѣ); и коли дей того посла пріймовать мѣли, самъ дей князь великій съѣлъ на мѣстцу своемъ господарскомъ и вложилъ шлыкъ на себе бараній, а ормякъ сермяжный, а передъ нимъ держали топоръ; а сына дей посадилъ подлѣ себе, у такомъ же уборѣ. И коли дей посолъ передъ него пришолъ и посольство справовалъ, въ которомъ мовилъ отъ царя, абы ему давалъ съ кождоу головы людей своихъ по гривнѣ, а Казань и Астарахань приворотилъ, хотѣчи вѣчный миръ самъ черезъ себе и на потомство свое къ нему и потомству его заховати; а естли бы того всего князь великій вчинити не хотѣлъ, онъ ему общалъ отъ царя, ижъ у него будетъ гостемъ на лѣто; а впоминку подалъ ему отъ царя ножъ голый: то пакъ дей князь великій, кгда выслушалъ посольства, отказалъ дей тому послу тыми словы: «царь дей господарь твой проситъ мене о дань; ино дей нѣчого дати, онъ мене всего самъ ограбилъ, а то ты посолъ его видишь, въ чомъ я теперъ сижу, и ничего не маю, а што маю то носылаю.» И снявши дей съ себе тотъ бараній шлыкъ, а съ сына такій же другій, и тому послу далъ. «А што дей мнѣ упоминается о царствѣ мои, тому дей быти не мочно; а общается дей ко мнѣ на лѣто быть гостемъ: я дей его жду и браги дей допона наварю; а послалъ мнѣ черезъ тебе посла своего ножъ, а я ему посылаю топоръ.» И съ тымъ того посла отпустилъ. И тотъ же Алексѣй повѣдилъ, ижъ если бы дей не зашло его таковое отъ царя Перекопского посольство, брамся дей велми охотно до Москвы, а зъ Москвы готованы дей ему стацыи

ажъ до Якимова починку. А што дей которыхъ людей, стрѣльцовъ и вѣднихъ прислалъ былъ до Смоленска, ино дей слышалъ есми тое, штожъ и тыхъ зася обернулъ до войска: бо дей вже заразомъ розказано, скоро по отправѣ того посла Перекопского, всей землѣ готовится противъ Татаръ, на берегъ, на Окурку. Ваша панская велможность, панове мои милостивые, о всемъ томъ рачьте вѣдать. . . . Писанъ у — въ Орши, мѣсяца Марта 13 дня, року 1574.

VI. — Освѣцонные и ясневелможные, милостивые панове рада великого князства Литовского, панове мои милостивые! Новины годные вѣдомости вашей панской велможности, моихъ милостивыхъ пановъ шнеги мои, которыхъ уставичнѣ маю при границахъ къ Смоленску, такъ тежъ и мѣщане зъ разныхъ мѣсть того панства господарского, которые изъ Смоленска съ куплями своими зворочаютъ, одностайнѣ справу дають, ижъ князь великій, вѣдаючи вже о пріистыю его королевской милости нашего милостивого господаря, во всехъ своихъ справахъ пилю ся опатруеть. Не отмѣняючи тыхъ повѣстей ни въ чомъ, только яко есми первѣй черезъ хлопца моего Лосятинского, такъ потомъ еще лѣпшій и достаточнѣй черезъ тотъ мой листъ, до его милости князя бискупа посланній, вашимъ панскимъ милостямъ выписалъ и ознаймилъ: то пакъ сегодня, въ среду середопостную, Марта 17, пришли до мене шнеги мои, также заразомъ, на той же годинѣ, прѣхали подданные господарскіе зъ Смоленска, мѣщане Оршанскіе, и привели съ собою полоненика, который взятъ въ полонъ въ службѣ жолнерской въ Ифлянтѣхъ, на имя Олексѣя Станиславовича, родомъ изъ Ошмены (а былъ проданъ отъ Москвы до Перии, и оттоль вышедши шолъ на Москву, ажъ до Смоленска), и повѣдаеть тымижъ словы, ижъ князь великій съ обоими сынами своими въ Олександровъ слободѣ, збираеть войска великіе противъ

№ 58. Татаръ Перекопскихъ, а зъ Нагайцы и съ Черемисою покой вѣчный взялъ; а и на тыхъ двѣхъ до Смоленска жильцовъ своихъ прислалъ, розказуючи тымъ людямъ, которые были притягнули для залого и опатренья Смоленска, всимъ имъ до себе зася тягнути, и всимъ дѣтемъ боярскимъ и стрѣльцомъ и волошаномъ Смоленскимъ розказано теперь заразомъ на берегъ ити. А которые дей войска Московскіе со всихъ его земель собраны, тые вси мають быти обернены противъ Татаръ Перекопскихъ; а войска ордъ Нагайскихъ и Черемискіе, тые дей о семой суботѣ мають быти на границахъ до Смоленска и до Полоцка и до иныхъ городовъ. Якожъ тые мѣщане Оршанскіе зъ Смоленска до Орши вѣдучи, поткались съ вожомъ князя великого съ Тишкомъ Ломакинымъ, Смольняниномъ, отъ Смоленска въ двухъ миляхъ (тотъ Ломакинъ здавна у мене шпегомъ есть, и передъ тымъ многіе вѣдомости и перестереженье мнѣ чинивалъ, што все первѣй доходило до вѣдомости господаря е. м. зошлого и в. м. пановъ радъ), который всказалъ до мене умысленъ, правъ, во вси тые слова, згожаючися яко съ тымъ Алексѣемъ, слугою Момоничовымъ, такъ съ иными шпегамы моими, и съ тымъ полонникомъ, и съ тыми мѣщаны, о вси тые справы князя великого, а повѣдилъ, «ижъ то иначе не есть; а войскамъ дей великимъ Нагайскимъ и Черемискимъ до Смоленска и по всей той украинѣ быти: только дей вѣдати того не можемъ, если отъ васъ ся первѣй што почнетъ, або отъ насъ; а теперь дей воевода Смоленскій по мене послалъ, не вѣдаю по што, але такъ ми ся видитъ, што дей мнѣ быти у князя великого: и вы дей о томъ всемъ Филону отъ мене подружите; а намъ бы дей лѣтѣй, штобы межи господарей былъ покой.» И всказавши тые слова, съ тыми мѣщаны розвѣхался. Ваша милость, панове мои милостивые, о всемъ томъ рачьте вѣдать. . . . Къ тому тежъ вѣдати даю в. м., паномъ моимъ мило-

стивымъ, ижъ воевода Смоленскій писалъ до подстаросты моего Оршанского, и вже ся и не разъ о то упоминаеть, ижъ посланникъ князя великого, въ скоромъ дѣлѣ до в. м. пановъ радъ коруны Польской и великого князства Литовского отъ него посланный, въ Смоленску есть задержанъ. . . . Писанъ у Ворши, мѣсяца Марта 17 дня, року 74.

VII. — Ясневельможный, милостивый пане воевода Виленскій, пане мой милостивый! По написанью того листу моего до всихъ воецъ в. м. пановъ радъ, моихъ милостивыхъ пановъ, тогожъ дня Марта 17, прѣхалъ мѣщанинъ Минскій съ Александровы слободы, на имя Оксентѣй Дроновичъ, и што повѣдилъ мнѣ о князѣ великомъ, и о сынѣхъ его, и о взятѣ перемиря съ Нагайцы и съ Черемисою, и о посольствѣ отъ царя Перекопского, и о збиранью войска противко ему на берегъ, въ томъ во всемъ одинако згожается зъ Олексѣемъ слугою Момоничовымъ. А о войску Татаръ Нагайскихъ и Черемисы, о тые такъ же твердитъ, ижъ дей тые войска будутъ обернены до украины, до великого князства Литовского. . . . А будетъ ли съ Шведскимъ королемъ война, ино ся все дей тое отмѣнити можетъ, ижъ тые войска противъ Шведовъ обернуть Але дей то вѣдаетъ заповнѣ, ижъ князь великій съ королемъ нашимъ войны сподѣвается, да только дей царь Перекопскій ему на великой переказъ, и хочеть дей съ нимъ еднаться; который хотябъ дей ему на панства господарскіе помочнымъ не былъ, одно бѣся съ нимъ не воевалъ и ему не переказалъ. А Нагайцомъ дей общалъ и на томъ имъ присягнулъ, ижъ если бы съ королемъ е. м. господаремъ нашимъ войну поднялъ, што — колвекъ полону и скарбовъ завоеванныхъ съ панствъ господарскихъ они вынесутъ, того у нихъ не отбирать, и вольно будетъ ихъ со всимъ тымъ до орды изъ земли своее пропускать (чого жъ имъ пане Боже не помози!). То тежъ пробачилъ еси въ первомъ писанью моемъ

до в. м. доложить, ижъ яко Алексѣй, слуга Момоничовъ, такъ и тотъ Аксентѣй теперь далъ ми такую справу, ижъ дей съ королевства Англійского привезена князю великому коруна, вельми коштовная, за которую шацовано по два кротъ сто тысячъ рублевъ и тридцать тысячъ рублевъ, а есть дей такъ высока, мало не локоть. . . .; за которую коруну плачено Англѣйчикомъ соболями вельми коштовными. Тотъ же засъ Аксентѣй повѣдилъ, ижъ для отправки людей на берегъ, самъ князь великій, заповнѣ, на Благовѣщенье на Москвѣ быти маеть. В. м. мой милостивый панъ, о всемъ томъ вѣдати рачи. . . . Писанъ въ Орши, мѣсяца Марта 17 дня, року 74.

VIII. — Освѣтцонные и ясневельможные, милостивые панове рада великого князства Литовского, панове мои милостивые! Тыхъ часовъ, мѣсяца Апрѣля 11 дня, на самый Великъ-день, въ обѣдъ, здѣсе до Орши прѣхалъ посланецъ отъ воеводы Смоленского, дворянинъ князя великого, на имя Иванъ Звѣровъ, который далъ мнѣ листы зашитые, за печатми самого князя великого, одинъ листъ писанный до ихъ милости пановъ радъ коруны Польской, а другій листъ писанный до вашей вельможности пановъ радъ великого князства Литовского; которые листы въ цѣлости, яко мнѣ даны, до вашей милости посылаю, и о то покорнѣ прошу, абыхъ отъ в. м., пановъ моихъ милостивыхъ, писанье до себе мѣлъ, естли тые листы вѣрыхлѣ до в. м. дойдутъ: бо тотъ посланецъ воеводы Смоленского о томъ вильное всказанье до мене мѣлъ и прозьбу чинилъ, ижбыхъ тыхъ листовъ послать не омѣшквалъ, днемъ и ночью до в. м. поспѣшитъ. . . . О князи великомъ тотъ посланецъ, дворянинъ его, далъ мнѣ справу, ижъ дей есть на тотъ часъ на Москвѣ; а его дей съ тыми листы, вѣдучи ему на службу съ Смоленска противъ Татаръ на Оку рѣку, посланецъ князя великого въ дорогѣ поткалъ, и съ дороги его здѣсе

до Орши звернулъ. . . . Сегожъ дня, на Великъ-день, рано передъ обѣдомъ, слуга каштеляновъ съ другимъ товаришомъ своимъ, Влохомъ Антоніемъ, которые просто съ Александровы слободы отъ князя великого съ товары своими вывѣхали, были у мене и дали ми тую справу, ижъ дей князь великій есть у великой небезпечности отъ Татаръ, и весь людъ свой со всихъ украинъ и со всихъ городовъ обернулъ противъ Татаръ на берегъ; а самъ дей Великъ-день мѣлъ прѣимовать на Москвѣ. А къ тому и отъ иныхъ шпеговъ своихъ вѣмъ, ижъ вси скарбы свои съ Александровы слободы до Новгорода Великого выпроводилъ, и тамъ дей ся и съ сынами своими оборочаетъ: бо дей индѣ-нигдѣ мѣстца безпечного отъ неприятели не маеть. А король дей Шведскій вельми ему доробилъ, и теперь дей войска Шведскіе въ земли его есть, и ратунку дей жадного не маеть чимъ учинить. В. м., панове мои милостивые, рачьте о томъ вѣдать. . . . Писанъ у Орши, Апрѣля 13 дня, року 1574.

IX. — Наиснѣйшій милостивый господарю, королю нашъ милостивый! Ижъ панъ Богъ Створитель, съ прѣзрѣнья ласки своее Божской, рачилъ вашу королевскую милость, господаря нашего милостивого, зъ отчизнѣ хвалебныхъ вашей милости до тыхъ — тутъ славныхъ панствъ въ добромъ здоровью принести и на столицы незвитежного королевства посадить, дай же пане Боже, абы в. м. — господарь нашъ милостивый, на тыхъ панствахъ надъ нами вѣрными поддаными своими счастливъ и fortunнѣ зъ благословенствомъ Божьимъ пануючи, намъ хрестіанскимъ, милосердымъ и справедливымъ паномъ быти рачилъ, и отъ неприятели своихъ господарскихъ и нашихъ милостиве боронилъ, которыхъ абы панъ Богъ всемогущій помощью ласки своее свято рачилъ тлумить и подъ ноги вашей королевской милости положить; о што пана Бога, яко вѣрные подданные в. м. господарскіе

№ 58. повинны есмь просить. . . . При томъ даю в. м. вѣдать: далъ ми знать воевода Смоленскій, ижъ гонецъ господаря его великого князя Московского Федоръ Елизарьевъ сынъ Елчаниновъ до вашей господарской милости идетъ, который будетъ на границахъ панствъ в. м. господарскихъ въ сюю середу пришлюю, мѣсяца Юня девятого дня, съ которымъ почту двадцать человекъ, а коней двадцать два. Ваша королевская милость, господарь нашъ милостивый, о всемъ томъ рачъ вѣдать. Одно жъ ми, наименшому слугъ в. м. господарскому, того потреба вѣдать и науку мѣть, кого у стрѣчу противъ таковыхъ гонцовъ, посланниковъ и пословъ до границъ высылати маю? Кгдажъ шляхта тутошняго уряду, которые были того повинны, вольностями правъ шляхетскихъ отъ того ся боронять и въ тыхъ послугахъ послушенства ко мнѣ не чинять. А къ тому, до каждого такового гонца и до посланниковъ и пословъ давши пристава, што маю на страву давать и отнюль тое брать? Такъ тежъ и тымъ моимъ посланцомъ, которыхъ впередъ яко зъ вѣдомостью до вашей господарской милости, такъ и зъ новинами шильными высылати буду, отколь на страву брать? На тое все в. м. господаря моего милостивого, о ласковомъ милостивомъ опатренъе прошу, абы ся недостаткомъ моимъ рѣчь в. м. господарская и посполитая пѣ чомъ не затруднила и не замѣшкала. То тежъ в. м. господарю моему милостивому вѣдать даю, о справѣ неприятели в. м. господарского великого князя Московского, чого есмь ся черезъ шпеги мои вывѣдалъ: ижъ дей на сесь часъ самъ, особю своею, и съ обовма сынами своими есть въ Олександровой слободѣ, а на запусы Петровы, то есть, на день Троицы святые Римского свята, маеть быти у Серпуховъ, межи Калуги и Коломны, напротивку Татаръ, которыхъ ся заеввѣ сподѣваегъ до Москвы къ святому Ильи. Татаръ повѣдають войска великіе, межи которыми три царевича, а стоять уже

въ земляхъ его, въ поляхъ пустыхъ, на урочищахъ въ Лужахъ Овечьихъ; ино противъ нихъ зготовалъ дей войска свои немалые и положилъ около рѣки Оки, при которыхъ и гулай-городовъ набудовалъ дей немало. И въ первомъ дей полку стояти мають Мстиславскій и Петръ Морозовъ, а въ другомъ полку Иванъ Шереметевъ да князь Иванъ Шуйскій, а самъ дей у войску поемиковомъ быти маеть. А сына дей молодшого отпавити маеть до Москвы, а старшого сына отправляетъ у Новгородъ Великій, съ Татары Казанскими и Касимовскими и иными войска, опасаячия короля Шведского войска, тежъ и в. м. господаря нашего милостивого въ томъ выистью перемирья не рестерегається вельми. Послы его, которые еще зимъ съ Полоцка переѣхали до Смоленска и которые мѣли до паства в. м. господарского ити, тые и теперъ у Смоленску лежать, и то въ вѣдомости вѣтъ, есть ли здѣсь тежъ послы пойдутъ, або ишіе съ ипшою справою отправлены будутъ. И то тежъ вѣдомости черезъ шпеги мои досягнулъ, ижъ гонцы его Московскіе, которые дей въ тыхъ частяхъ отъ пановъ радъ до князя великого отправлены, до него дошли; отъ которыхъ дей порозумѣнье взявши, своего гонца до в. м. шлетъ, и въ тыхъ дей частяхъ вборзѣ сподѣваются его до Смоленска. . . . А о посланцахъ в. м. господарскихъ, за ознайменемъ и писанемъ в. м., до Смоленска воеводѣ Смоленскому далъ есмь вѣдать. . . . Писанъ въ Орши, мѣсяца Юня 1, року 1574.

Х. — Ясневелможный, милостивый пане Троцкій, пане мой милостивый! . . . Въ томъ же вашей милости листъ панскомъ, зъ ласки в. м. панской, объявлено ми, ижъ въ тыхъ листяхъ отъ Московского посланыхъ выличаетъ все збродни, чимъ его отсель зъ Литвы зводили, часу несчастного, безъ господаря будучи. И въ томъ листъ егожъ, што до ихъ милости пановъ радъ Литовскихъ писалъ, вспоминаеть мене, слугу в. м., и раду, абы

сына зъ войскомъ до Смоленска послалъ, хотячи служити и помогати ему на панованъе, только ижбы былъ въ приближенъю у него, што яко одну рѣчь легкую вспоминаеть. Што розумѣючи в. м. мой милостивый панъ, предлагать рачашъ: если бы то чинилъ, чинилъ быхъ то съ потребы умыслу его неприятелиского, абыхмо опатрѣйшимъ на тыхъ границахъ былъ. . . . потребовати рачишъ, абы есмь в. м. моему милостивому пану, яко високой радъ господарской и пану добродѣю моему милостивому, объявилъ: естли таковое писанье отъ мене было, и естли бѣ такъ далеко сягалъ? . . . но смерти господарской, якожъ то в. м. мой милостивый панъ, усномнить рачишъ, што было на тотъ часъ намъ слугамъ в. м. отъ пановъ радъ объявлено, чого тежъ мы сами, служачи в. м. на украиняхъ, отъ неприятели свидомы были? якихъ тежъ послугъ, потребъ, фортелевъ надъ неприятелиемъ, в. м. панове наши отъ насъ пограничныхъ урядниковъ потребовали? Звѣща, кому есмо были послушенство чинити новинны? гетманомъ, канцлеромъ, маршалкомъ, воеводамъ. То, што было чинено, черезъ рады ихъ милости самыхъ и черезъ послуги наши чинено было, за вѣдомостью, волею и розказанемъ ихъ милости, головъ нашихъ, хотя не такъ широко, яко неприятели пишеть. Ино, милостивый господарю пане Троцкій, я слуга в. м., отъ пановъ радъ братьи вашей на таковыя послуги вызванъ будучи, не згола то чинилъ, а ни самъ зъ себе, а ни безъ причины; и если-мъ што чинилъ и до Московского писалъ, чинять то есмь мусилъ, яко пана нашего собѣ не маючи; а иному есмь не служилъ: только врялъ панства того надъ собою мѣлъ, который то все радилъ и чинилъ; того одного слухать есмь былъ повиненъ. И што зъ рукъ ихъ милости въ руки мои приходило и изъ устъ ихъ въ ухо мое входило, то тежъ до рукъ ихъ и до уха относилъ. . . . А предъ сѣмъ, служачи вѣрую моею, никому болшъ,

№ 58. только в. м. моему милостивому пану самому, съ початку, тую рѣчь черезъ писанье мое объявилъ, и тармену есмь писанья моего (которымъ обычаемъ мене научили и розказали писати листу до князя великого) къ в. м. въ листъ моемъ послалъ. . . . А тежъ, милостивый господарю, не вѣдати, кому то-сь, на кого, и для чого бы жалъ было? А то ласки Божіи, господаря маемъ, которому заховали вѣру и правду. О которомъ ни думали, ни гадали, да господаремъ парадилъ, а тотъ на обѣтницахъ не ресталъ, чимъ бы было лихого збытъ. Ноли утопили, топоръ давали, а выплывши ни топорща. Солгавши спасаяся: бо безъ напасты бѣ отъ него не бытъ. А справы и потужности наши якіе были, Богъ вѣдаеть и в. м. сами. На остатокъ, и ихъ милость пановъ корунные в. м. паномъ нашимъ милостивымъ оказали тому неприятели борониться, какъ могучи. Панъ Тарановскій не Литвы, але только своею одной жаловалъ шкуру, да на святого Михайла онога тирана за короля взяти былъ общалъ; а мы, вакъ, Богъ то вѣдаеть, милостивый пане, яко бѣды и небезпечности есмо уживали, и не одно отъ Москвы, але и отъ своихъ, мѣшкаючи ми тутъ, и не одно я, але и панъ Гарабурда. Кгда, подъ тымъ часомъ таковой небезпечности, въ тые службы также вдатися мусилъ, и за посланемъ же пановъ радъ до того Москвитина ѣхалъ, черезъ колько дней тутъ у Орши плакалъ, и радъ бы ся дорого съ того поселства откупилъ; а тежъ, зворотившися, умѣлъ вашей панской милости справу дать, на што былъ трафилъ, и, подобно, видѣло ся, ижбы хромого волна за лисицу стало. Я не вѣмъ, што бы былъ виненъ. . . . Мнѣ розказывають о всехъ, хто былъ на съездѣ Рудницкомъ, и кто не былъ, . . . звѣща, ижъ о Литву шло; а тежъ и тогда тая баба на двоє ворожила: былъ бѣ паномъ, былъ а не былъ: ино отъ него Богъ избавилъ; а только бѣ было часу несчастья, но ворожъ не бытъ. . . . А писанъ его Мос-

№ 58. сковскому, милостивый пане, не напротивиться: писать как хочеть, и не только на вашу милость пановъ радъ, або на насъ слугъ вашихъ, але слышали есмо и на господара своего славной памяти, коли и голову козину здѣсе до мене переслалъ. . . . маю ли за то тратить почтливость мою, або горло? Звѣща жъ, то не есть противъ господара: гдыжъ есмо вольные люди, вольно господара обирать; не есть тежъ противъ рѣчи посполитой, гдыжъ не маючи ни отъ кого никотороу помочи, себе ратовать. А иншіе, пакъ, и сами хотѣли королями быть и моцою того доходить. . . . И то в. м., господарь мой, обещаши, ижъ я въ приближенію у него быть не хотѣлъ, и о посланію сына зъ войскомъ до Смоленска не писалъ, и помогати на панованье не могъ, а ни умѣлъ, а ни помышлялъ: только то е писалъ, што панове велѣли; и самъ писалъ, хотѣя сына его господаремъ мѣти и пановъ радъ коруныхъ на то-вести. Вѣдъ же, для лѣпшохъ sprawy, нехай ихъ милость отписы на то его покажутъ, а я свои покажу. Московскій не дастъ баламутить: вси слова съ початку въ отпискѣхъ репетуетъ. . . . А тежъ и тыхъ жалъ Богу, хто-бы себе марно тратилъ: бо и первый, еще за живота господарского, въ недостатку силы, фортелями есмо наробили; три человекы за тридцать або за сто тысячъ стали, которыми тремя шестьдесятъ тысячъ войскъ Московскихъ съ Серебряными и съ царевичи отъ Орши прогнано: за што не только не дяковано, але еще, яко рѣчь злую и нецнотливую, зтерли, змяли и въ землю закопали. А за такыя ярма, што — кольвекъ для рѣчи посполитой чинено и хто чинилъ, годилося бъ тому опатренье, а не иного на насъ домышленія; што все нехай Богъ платить. А тежъ якъ доробило лихо, прорѣжутся и зубы. . . . Писанъ на Орши, мѣсяца Іюня 1 дня, року 74.

XI. — Ясневельможный, милостивый пане воевода Виленскій, пане мой милостивый!

Даю вѣдать в. м.: тыхъ часовъ, Іюня 16 дня, зъ Смоленска, воевода Смоленскій далъ ми знать черезъ посланца и листъ свой, ижъ государь его князь великій Московскій отпустилъ владыку Молдавскоу земли зъ Москвы, на имя Исаію, который дей у государя его былъ для милостины, ознаймучи, ижъ и листъ свой государь его до его королевской милости господара нашего ему далъ, абы его добровольнѣ, безъ заѣпки пропустилъ. А потомъ тотъ владыка до Орши прѣхалъ, а при немъ людей пять человекъ, возки два, и былъ у мене въ имѣничку моемъ Смоленскихъ Іюня 18, и далъ ми листъ, за князя великого печатью, писанный до его королевской милости господара нашего, зашитый, за которымъ просилъ мене, абыхъ его добровольнѣ пропустилъ, и мовилъ мнѣ, ижъбы тотъ листъ до господара писанный розшилъ и изъ него вырзумѣлъ, а ему листъ свой пропускной далъ, пытаючися дороги. Я того не смѣючи учинить, яко тотъ листъ воеводы Смоленского до мене писанный, такъ и тотъ листъ до господара его милости отъ князя великого, зашитый, до в. м. пана моего милостивого, яко до найвысшого рады господарского и канцлера послалъ. . . . При томъ новины годныя къ вѣдомости в. м. своему милостивому пану ознаймую: о небезпечности и войнѣ князя великого Московского съ Татары далъ ми такову справу, ижъ дей князь великій, по отиравъ его зъ Москвы, самъ тянулъ зъ войски своими до Серпухова, и видѣлъ дей войска Нѣмецкого пятнадцать тысячъ збройного люду, которыхъ напередъ зъ дѣлы до войскъ переднихъ на Оку рѣку выслалъ; за ними дѣлъ двѣстъ и шестдесятъ проважно; за тымъ тридцать тысячъ стрѣльцовъ, межъ которыми самъ зъ дворомъ своимъ ѣхалъ. Пыталъ же есмь его: много бы того войска всего было? повѣдилъ, ижъ дей ему того, яко чужоземцу трудно вѣдать, але дей повѣдаютъ нѣкоторые, штожъ люду того идетъ шестдесятъ ты-

сечь, окромъ черни, якожъ дей и знакъ того есть, ижъ людь собранный муситъ быть великій; бо черезъ всю землю его вѣдучи, трудно человекы увидѣть, кромъ дѣтей и головъ-бѣлыхъ. Пришло жъ дей до него съ Черкасѣхъ козаковъ господара нашего Черкасскихъ пятьсотъ, недзныхъ, ошарпанныхъ, которые дей вѣдучи подошли подъ войска Татарскыя и большъ полторы тысячи отогнали и вязневъ достали. А къ тому дей зъ войска Татарского переметчики, прибѣгши отъ Дону, тежъ козаки, которыхъ дей тысяча и семсотъ тамъ уставичнѣ лежатъ, прислали ему вязневъ, по словъ Татарскихъ, которыхъ царевичи зъ войска своего до Татаръ Нагайскихъ послали были, намовляючи ихъ, абы имъ къ помочи шли. А такъ, кгда ся дей тые вси до него собрали, и вѣдомость о войскахъ Татарскихъ взялъ, охотно дей вельми пошолъ, и великую дей ласку людемъ своимъ и опатренье показалъ, а Черкасцомъ тымъ дей на збытъ жалованье учинилъ; и такъ дей слыхатъ, што войскъ Татарскихъ великое множество вышло, повѣдаютъ дей, яко бы и самъ царь съ ними; а идуть дей на двое, але дей кгда прѣидетъ до потребы, восполокъ сниматься мають. Войска тежъ особливые, звѣща, Татаръ своихъ тыхъ противку королю Шведскому послалъ. В. м., мой милостивый панъ и добродѣй, рачъ о всемъ томъ вѣдать. . . . Писанъ у Смоленскихъ, Іюня 18, року 1574.

XII. — Ясневельможный, милостивый пане воевода Виленскій, пане мой милостивый! Даю вѣдать вашей панской вельможности, ижъ гонецъ князя великого Московского Федоръ Елизарьевъ сынъ Елчаниновъ овдѣ до Орши, въ недѣлю, Іюня 20 дня пришоу, который заразъ на потканью шафара госпо-

дарскому и подстаростѣ моему оповѣдилъ, № 58. ижъ вѣдетъ зъ поздравленіемъ до его королевской милости, «а въ иншихъ дей дѣлахъ государя своего листы несу.» Около чого достигнулъ есмь зъ Смоленска черезъ шпегы мои таковы вѣдомости, яко бы кглеиты господара нашего, черезъ гонцовъ его Московскихъ въ тыхъ недавнихъ часѣхъ пересланные, назадъ до господара нашего несутъ; а того не вѣдать, естли чого не доложено, або зъ якихъ иншихъ причинъ; гонцовъ тежъ короля нашего е. м. пыльнѣ до себе ждетъ, и еще за первымъ ознаймениемъ моимъ и росказаньемъ господарскимъ, Мая 20, приставовъ на границу выслано, и до того дей часу лежатъ. О небезпечности его отъ Татаръ вѣсть ни въ чомъ ся не отмѣняетъ, але дей и овшемъ у великой тревогѣ и страху есть и вся земля его: бо, повѣдаютъ, войска великія Татарскыя собраны, и вже дей на сторожѣ урвали ему людей немало. Отсюль, зъ Смоленска, и остатокъ людей выгнано и до войскъ зведено; замокъ и острогъ моцою опатрують. Того дей вельми боится и стережетъ, гды потканье съ Татары чинити будетъ, абы ся войска господара нашего въ землю его не вторгнули. В. м., пане мой милостивый, о всемъ томъ рачъ вѣдать. . . . Писанъ у Орши, Іюня 20 дня, року 1574.

XIII. — Освѣценыя и ясневельможные, милостивые панове рада великого княжества Литовского, панове мои милостивые! Даю вѣдать вашей панской вельможности: въ среду, Іюля 28 дня (*), секретари его королевской милости, панъ Завадскій и панъ Матвѣй (**), до Орши прѣехали, а въ субботу, Іюля 31, отсюль выѣхали, а въ недѣлю, Августа 1 дня, на границахъ панствъ его королевской милости, на Мереи, ихъ милость ся постановили:

(* В подл. «Іюня 28», написано по ошибкѣ писца. По вычисленію выходитъ, что въ 1574 г. 28 ч. Іюля (какъ поправлено) было въ среду. Этому вполне соотвѣтствуютъ и дальнѣйшія числа, означенныя въ отпискѣ.

(**) Протасовичъ. См. Карамз. IX, прим. 435, и Hist. Rus. monum. I, 253.

№ 58. нижи жъ стрѣча зъ Смоленска напротивку ихъ на тотъ день не поспѣшила; панове секретари того дня за рубежъ не переходячи, на сторонѣ короля е. м. ночлеги мѣли; а на завтра, въ понедѣлокъ, Августа 2, стрѣча зъ Смоленска ихъ поткала, которыхъ было человекъ десять, старшій приставъ на имя Якушъ; а того дня отъ рубежа семь миль уѣхали и въ земли неприятельской, на урочищѣ, на рѣцѣ Лосмѣ первый ночлеги мѣли, только жъ на томъ ночлегу стацы имъ не дано. И дали ми справу посланцы мои, которые до того ночлегу ихъ проводили, ижъ яко на привитанью, такъ и въ дорожѣ, приставове ласково до нихъ ся оказали и разговляли, общуючи стрѣчу великую и кормъ на другій ночлеги дати. О князь великомъ кгда ихъ пытали, повѣдалъ, ижъ дей на тотъ часъ есть на Москвѣ. . . . А на тотъ часъ, зъ стороны неприятельской, злѣша отсюль зъ Смоленска тѣхъ, и такую дають справу, ижъ князь великій войска свои вси обернулъ подлѣ Кольванъ; а замокъ Смоленскъ съ цѣлостію опатрують и живностію шипируютъ, и всимъ заказано, такъ служебнымъ яко и посохомъ поготову быть. В м. панове мои милостивые, о всемъ томъ вѣдать рачте. Писанъ у Орши, мѣсяца Августа. . . дня, року 1574 (*).

XIV. — Яневельможный, милостивый пане Троцкій, пане мой милостивый! Дошло ми писаніе в м. моего милостивого пана, зъ Польски первій сего, и теперь черезъ служебника моего Зуба, о отъѣханъ господарскомъ и о ишые рѣчи. . . Дивны суть судьбы Божіи! мы отъ воротъ, а онъ дырою вонъ. Не только намъ того не урозумѣти, але такого господарского отъѣханья всему свѣту не вмѣстити. Не слыхано отъ вѣку, чтобы хто слѣпорожденну отворилъ очи: такъ и помазанцу Божьему тымъ способомъ отъ полда-

ныхъ своихъ ухватити. . . . Естли бы тутъ в м. панъ мой милостивый, уши свои мѣлъ, якійже около того шмеръ на Москвѣ, якій при границахъ страхъ Божій! О всемъ все вѣдають. . . . Говорять многие во вси стороны: «не только абы Московскій господаремъ быти мѣлъ. . . ., только бы кривды людей Божіихъ мстилъ и въ порядокъ привелъ». . . . Хотя на сторону Московского зъ той мѣрѣ не треба ся оглядати: естли первій не хотѣлъ, не сподѣваемся; штобы и теперь захотѣлъ; только насъ пане Боже духовой отъ ишого якого умыслу его, яко слухи доходятъ до королей дей у нихъ много, надобѣ бѣ почати што». Передъ тымъ Москва, овдѣ прѣзжаючи, злѣцали и до нашихъ ся склоняли, а теперь ни словка о добрую пріязнь. . . . А што в м., панъ мой милостивый, пишешъ о осторожность мою: естли бы и повторилъ о такихъ службахъ рассказывано, абы ти еси опатрувалъ, яко е. м. панъ Гарабурда: ино, пане господарю! в каша не хочу, и по вѣду не йду; пишеть ми государыня моя пани Трощая: «ожогшися на молодь, вельно на воду дуть». Я того и первій не зналъ што чинилъ; только што вельно чинить, тое и чинилъ. . . Данъ зъ Орши, року 74, Августа 5 дня.

XV. — Освѣщоные и ясневельможные, милостивые панове рада великого княжества Литовского, панове мои милостивые! Даю в м. вѣдать: сегодня, въ понедѣлокъ, Августа 9, посланецъ мой, которого еси до пановъ посланцовъ его королевской милости приставомъ и проводникомъ до Смоленска послалъ, звротившися оттодѣ, далъ ми тую справу, ижъ панове посланцы господарскіе пришли до Смоленска въ среду, Августа 4 дня, и на стрѣчи вдячиѣ приняты, такъ передъ Смоленскомъ, въ семи миляхъ, черезъ Михайла Третьякова, яко и въ Смоленску передъ мѣ-

стомъ, черезъ дворянъ князя великого, на имя Олизара Ивановича Черткова: которые оновѣдавши имъ ласковое отъ государя своего привитанье, и о здоровью его королевской милости государя нашего милостивого, именовемъ князя великого пытали, и вѣхали дей съ ними ажъ до ночлегу, до околицы Богдановы, за Смоленскомъ семь верстѣ; тамъ же дей стацыи водлугъ потребы постановили, и отпочинуть имъ позволили двѣ ночи, а въ пятницу, Августа 6, до Дорогобужа съ Богдановы околицы вышли. В м., панове мои милостивые, о томъ вѣдать рачте. . . . О князь великомъ, гдѣ бы на тотъ часъ былъ, певности не дано; только дано знати, ижъ по городомъ своимъ проѣзжается: але тотъ посланецъ мой певкъ вывѣдалъ, ижъ дей въ тыхъ частяхъ съ Старицы прѣѣхалъ до Якимова починку; и такъ ся сподѣвають, ижъ посланцы господарскіе въ Якимовъ починку будутъ пріимованы. А о войскахъ его певности не слыхати: только дають справу, ижъ одно войско обернулъ до Инфлянтъ, а другіе дей еще на берегу стоять. . . . Писанъ въ Орши, Августа 9, року 1574.

XVI. — Освѣщоные и ясневельможные, милостивые панове рада великого княжества Литовского, панове мои милостивые! Даю вѣдать в м., паномъ своимъ милостивымъ: сегодня, въ среду, Августа 18 дня, воевода Смоленскій прислалъ посланцовъ и писалъ до мене, даючи вѣдать, ижъ за повелѣніемъ государя его великого князя, идетъ до господаря Молдавскіе земли Богдана Александровича человекъ его Иванъ Логофетъ съ листы князя великого, противъ которого абыхъ на рубежъ стрѣчу выслалъ, съ которымъ людей человекъ два, а коней пять. . . . А такъ тые посланцы, подаючи листъ до рукъ служебника моего, новѣдали тыми словами, ижъ дей воевода Смоленскій, за тымъ листомъ своимъ, всказалъ до Филона старосты Оршанского, пытаючи о томъ: «для чого бы посланники го-

сударя нашего великого князя въ панствѣ его № 58. королевской милости государя вашего бываютъ задержаны, чого передъ тымъ не бывало? и теперь посланецъ, который до короля брата государя нашего посланъ, видѣлъ ли короля вашего, або не видѣлъ, и якъ бордзо оттодѣ его отпустятъ?» А повѣдають еще, ижъ посланцы королевскіе вже у государя ихъ приняты, и надѣются, штобы дѣло межъ государей доброе будетъ, и будетъ покой, и велѣли то Филону повѣдати неимѣнно. То, пакъ, милостивые панове, я на тые слова до тыхъ посланцовъ воеводы Смоленского всказалъ: што ся дотычетъ такового задерживанья посланцовъ государя ихъ, чого передъ тымъ не бывало; ино то сталося, первій и теперь, не за жадною неприязнію господарскою, а на дановъ радѣ, только первій, за несчастіемъ всихъ насъ подданныхъ господарскихъ панствъ тыхъ, коруды Польскоѣ и великого княжества Литовского, ижъ государя нашего е. м. Жигмунта Августа въ животѣ не стало; а потомъ, теперешнему господарю нашему е. м. королю Генрику также Богъ волѣ воли своеѣ Божьѣе смуткѣ заслалъ, ижъ братъ е. м. господарскій, король Французскій съ сего свѣта зшелъ, и королева е. м., матка государя нашего, пословъ своихъ до него послала и писала, ижбы господаръ на погребѣ тѣла брата своего, е. м. короля Французского вѣхалъ и королевство свое отчизное Французское принялъ: якожъ господаръ е. м. съ того панства своего корунного для того на тотъ часъ отъѣхалъ, а дастъ Богъ, вбордзъ будетъ назалъ; и для того посланникомъ государя вашего омѣшканія таковыя ся дѣяли, ижъ въ таковыя времена жалостныя и несчастныя прѣзжали; а бывало тожъ и посланцомъ государя нашего у государя вашего, яко Юрью Быковскому и ишимъ. А теперь тому посланнику государя твоего Федору Елчанинову отправки надѣюся бордзовъ; а естли господаръ нашъ въ томъ королевствѣ своемъ

(*) Въ рукоп. здѣсь вырванъ одинъ или нѣсколько листовъ.

№ 58. Французкомъ всхоцетъ поосмотрѣться и не будетъ сездъ бордзо, ино паномъ радамъ ро-скажетъ его отправить, и мѣшканья ему дол-гого не будетъ; а нужы ему нѣтъ. А што еси всказалъ о покою: ино то дѣло обычное, господаремъ христіанскимъ въ миру быти и съ собою ся миловать. А што ся дотычетъ пріймованія посланцовъ его королевской ми-лости, ино и шпегіи мои дали ми вѣдать, ижъ запевнѣ суть вже приняты, а то такимъ обы-чаемъ: кгда ихъ было провадили просто до Старицы, гдѣ самъ великій князь былъ, то пакъ, Августа 10 дня, посланники князя ве-ликого, съ дороги, которая идетъ зъ Вязмы до Старицы, поткавши, обернули ихъ до Але-ксандровы слободы (бо дей ихъ въ Старицы пріймовати не хотѣлъ) и помчали вборзѣ, почлеги два и три минуючи. . . А войска дей свои, которые мѣлъ на берегу и въ земли Ифлянтской, тыхъ всихъ о святомъ Семенѣ роспустити мѣлъ, а о Покровѣ дей конечно казалъ всимъ готовымъ быть противку Нѣм-цомъ. В. м. рада господарская, панове мои милостивые, о всемъ томъ вѣдать рачьте. . . Писанъ въ Орши, року 1574, Августа 18.

XVII. — Освѣцонные и ясневельможные, милостивые панове рада великого княжества Литовского, панове мои милостивые! Даю вѣ-дать в. м., паномъ своимъ милостивымъ: дня вчерашнего, въ субботу, Августа 28, поздно, воевода Смоленскій прислалъ посланцовъ и писалъ до мене листъ свой, даючи вѣдати, ижъ государь его великій князь Московскій въ томъ прійстью посланцовъ его королевской милости до него, приказалъ, абы онъ против-ку панствамъ господаря нашего короля е. м. покой заховалъ, до того часу, поколь госно-даря нашего послы великіе у князя великого будутъ и певное постановленіе учинять: якожъ я къ достаточнѣйшему вырозумѣню в. м., листъ воеводы Смоленского властный, и

што есми ему на то отписалъ, зъ листу моего копью, при томъ листѣ моемъ посылаю (*). В. м. панове мои милостивые, о всемъ томъ достаточнѣ вѣдать будете рачили. Къ тому тые посланцы воеводы Смоленского и тую ми справу дали, ижъ дей князь великій послан-цовъ господаря нашего пріймовалъ въ Стари-цы; было дей то слышетъ, ижъ ихъ попрова-дити хотѣли до Александровы слободы: то дей тому тая была причина, ижъ дей подъ тымъ часомъ, самъ государь зготовился былъ вхатъ зъ Старицы до Москвы. . . и вже дей коли у Вязмѣ посланники были, государь дей розмыслилъ ся и захотѣлъ вборзѣ ихъ приня-ти и отпустити; и надѣмся дей, ижъ отъ себъ недѣли за тыждень, посланники будутъ на-задъ, въ Смоленску; и такъ дей слышать, ижъ и своего посланника государь при посланцахъ до господаря е. м. короля шлетъ. В. м. пано-ве мои милостивые, о всемъ томъ вѣдать рач-те. . . Писанъ въ Орши, Августа 29, року 1574.

XVIII. — Освѣцонные и ясневельможные, милостивые панове рада великого княжества Литовского, панове мои милостивые! Даю вѣдать в. м. своимъ милостивымъ паномъ: сегодня, въ субботу, Сентября 18, третіе годи-ны въ ночи, зъ Смоленска, воевода Смоленскій далъ ми вѣдать черезъ писанье и посланцовъ своихъ, ижъ государь его великій князь по-сланцовъ его королевской милости господаря нашего отъ себе отпустилъ, и при нихъ по-сланца своего, на имя Петра Давыдова, до посланца своего Ѳедора Елизарьева Елчани-нова посылаетъ, которые завтрешняго дня, въ недѣлю, Сентября 19, на границахъ панства господаря е. м. становитися мають, абы еси стрѣчу, кормъ и подводы напротивку имъ и купецкимъ людемъ на тотъ рокъ выслалъ: што я все себъ жъ ночи зготовивши выслалъ. В. м. панове мои милостивые, о всемъ томъ

рачьте вѣдать. Писанъ въ Орши, мѣсяца Сен-тября 18, року 1574.

XIX. — Ясневельможный, милостивый пане воевода Виленскій, пане мой милостивый! Тые такъ пыльные и важные новины рачъ в. м. вѣдать: сегодня, у понедѣлокъ, панове посланцы короля е. м. были у мене на обѣдѣ; а нимъ до Орши вѣхали, напередъ пріѣхалъ и далъ ми справу мѣшанинъ Виленскій Бог-данъ Момоничъ, ижъ покой съ великимъ княземъ Московскимъ застановленъ на два годы, лечъ только кклейту на то не взяли послы: бо вборзѣ шли. Своихъ тежъ нагото-вилъ. Посланцу своему Елизарьеву росказалъ короля чекать, хотя бы цѣлый рокъ, и до него шлетъ посланца своего съ иношою нау-кою, у которого, сподѣваются наши, ижъ и до в. м. пановъ радъ листы суть. Звороченья дей господаря нашего не сподѣваются, и о князи Ѳедорѣ ся примовляють. О тревогѣ нашей далъ былъ в. м. знать, якобы посланцовъ господарскихъ мѣли тамъ загамовать и розве-сти: ино дей ачъ того не было, але за вели-кою сторожою были, мало не въ везенью. А по отправѣ ихъ отъ князя великого, дано имъ знать, ижъ неякій листъ до него прине-сенъ. . . о которомъ листѣ повѣдано паномъ посланцомъ, ижъ отъ пановъ радъ зъ Литвы пересланъ: для чого кгда дей о томъ панъ Завадскій услышалъ, вельми и зъ великимъ фрасункомъ нарекалъ, приписуючи дивные рѣчи паномъ Литовскимъ, и о томъ дей спра-ву дать паномъ Польскимъ обѣцалъ не за-мѣшкать. В. м., панъ мой милостивый, рачъ то вѣдать. . . Писанъ въ Орши, Сентября 20, року 1574.

XX. — Освѣцонные и ясневельможные, ми-лостивые панове рада великого княжества Литовского, панове мои милостивые! Даю вѣ-дать в. м. своимъ милостивымъ паномъ: сего-дня, у среду, Сентября 22, скоро по вы-ѣханью посланцовъ короля е. м., пана Бал-тромея Завадского и пана Матѣя Протасови-

№ 59. ча, а при бытности гончыка князя великого Петра Давыдова (который до посланника го-сударя своего Ѳедора Елизарьева Елчанинова идетъ), воевода Смоленскій посланца своего до мене прислалъ и писалъ, даючи вѣдать, ижъ государь его великій князь Московскій до е. м. господаря нашего посланцовъ своихъ посылаетъ, которые вже у Дорогобужѣ ле-жать и очекивають того посланника государя своего Ѳедора Елизарьева отъ его королевской милости съ листомъ опаснымъ. . . В. м. панове мои милостивые, вѣдаючи о томъ, приставовъ и шафаровъ панскихъ овдѣ въ часть рачьте ро-сказати прислати. . . Писанъ въ Орши, мѣ-сяца Сентября 22, року 1574.

Всѣ сіи отписки выписаны изъ современнаго манускрипта, писаннаго Бѣлорусскою скоро-писью, въ листѣ, на 96 страницахъ, съ поправ-ками въ текстъ. Въ срединѣ его нѣсколько ли-стовъ вырвано, и конечныхъ также недостаетъ. Полное его заглавіе слѣдующее: Реестръ спи-санья тарменъ, которые еси листы черезъ по-сланцы мои, даючи вѣдомость о князи великомъ и о новинахъ, о которыхъ мнѣ шпегіи мои зъ земли его непріятельской Московской вѣдати дава-ли, по смерти его кор. мил., славной и святой памяти зошлого пана нашего (т. е. Сигизмунда Августа), до ихъ милости пановъ радъ в. княж. Литовского посылалъ, почонши отъ року 1573 мѣс. Декабря 5 д., и потомъ до е. кор. мил. пана нашего пришлого (Генриха Анжуйскаго) и до пановъ радъ, даючи вѣдать о справахъ в. кн. Мо-сковского и о новинахъ, отсель съ Орши писалъ и посланцовъ моихъ посылалъ въ року 1574.

Хранится въ библиотекѣ Департамента Ге-неральнаго Штаба.

59. — 1574 Апрель 9. Жалованная подтвердительная грамота короля Ген-рика жителямъ Жмудской области, на стародавняя ихъ права.

Генрикъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прускій, Мазовецкій, Жмойтскій, Кіевскій, Волын-

(*) Обѣихъ отписокъ въ манускр. не оказалось.

№ 59. ской, Подляшской, Лифлянтской и иных, а к тому князя Андегавенское, Борбонское и Альверненское, и тежъ крѣпя въ Мархи, Форестии, Кверцыи, Роверии и въ Монтисфорцыи и пр. Во имя Божье, аминь. Къ вѣчной памяти тобъ рѣчи станься! Мы король и великій князь Генрикъ чинимъ знаменито симъ листомъ нашимъ всемъ вовецъ и каждому зособна, кому потреба будетъ того вѣдати, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ. Кгдажъ есмо зъ ласки и призрѣнья Божьего, а за вольнымъ обраньемъ всехъ становъ коруны Польскоѣ и великого князства Литовского и иныхъ всехъ обывателей земль къ тымъ панствамъ належачихъ, на столицу королевства Польского и великого князства Литовского коронованы и посажены, ничего тежъ собѣ, по ласцѣ Божой, большъ не ждаемъ, одно, абыхмо такую хуть, милость и склонность подданныхъ нашихъ къ намъ господарю оказаную, шодробливостью ласки наше господарскоѣ нагорожали. Про то, за посланьемъ пословъ земскихъ отъ всехъ становъ, ихъ милости пановъ радъ нашихъ, тивуновъ, державецъ, шляхты, бояръ и всего рыцарства земли Жомойтскоѣ, прѣѣхавши тутъ до Кракова, на съемъ корунации наше, подкоморый земли Жомойтскоѣ, тивунъ Ойракогоской панъ Миколай Станькевичъ Блевичъ; старостичъ Жомойтской, тивунъ Шовдовской панъ Войтъхъ Юрѣвичъ Блевичъ; каштеляновичъ Жомойтской панъ Янъ Малхеровичъ Шеметъ, просили насъ, абыхмо вси права, вольности, привилья и данины всякіе, отъ продковъ нашихъ, паяснѣйшихъ ихъ милости королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, то есть, Витолта, Швитригайла, Жикгимонта, Казимера, Александра, Жикгимонта второго и Жикгимонта третьего, всемъ станомъ земли Жомойтской наданые, которыхъ они ажъ до сего часу во вживанью были, привильемъ нашимъ то имъ утвердили и умоцнили. И мы господарь на доброй бачности маючи, яко есмо

всимв станомъ коруны Польскоѣ и великого князства Литовского и всемъ обывателямъ земль къ тымъ панствамъ належачихъ, при корунации нашей присягою то варовали, увернили и утвердили, хотѣчи всемъ станомъ народу нашего, подданнымъ нашимъ, права и вольности ихъ вѣрнѣ и статечнѣ ховати и полнити, также тежъ, зособна, вси права и данины и привилья обывателямъ родичомъ земли Жомойтскоѣ отъ преречоныхъ продковъ нашихъ, ихъ милости королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ наданые, которые они передъ нами покладали, и въ нихъ вглянувши, при тыхъ всехъ правахъ, вольностяхъ и данинахъ и ихъ звыклыхъ обычаехъ стародавнихъ во всемъ хотимъ впасть и на вѣки непорушнѣ ихъ заховати, и съ тыхъ всехъ первыхъ привильевъ отъ продковъ нашихъ наданныхъ артыкулы въ сесъ нашъ привилей казали есмо меновитъ вписати, которые такъ ся въ собѣ мають:

1. Ижъ продки обывателей земли Жомойтскоѣ ихъ милости продкомъ нашимъ великимъ княземъ Литовскимъ сами добровольнѣ подъ панованье ся поддали, а не мечомъ, а ни квалтомъ до того притѣснены, и абы въ доброй славы ихъ мнѣманья злого никто чинити не смѣлъ; и яко то на привильяхъ отъ ихъ милости князей Литовскихъ имъ есть варовано, такъ и мы господарь то признаваемъ, ижъ они яко до продковъ нашихъ великихъ князей Литовскихъ, такъ и до насъ господаря, за добровольнымъ обраньемъ, яко вольный народъ, приступили.

2. Старосту Жомойтского, которого они всхотятъ и межю собою оберуть, а намъ господарю того електа своего черезъ послы свои ознаимать, мы господарь на того позволити, и врьдъ староство Жомойтское тому дати и привильемъ нашимъ то ему потвердити повинны будемъ.

3. Тымъ же тежъ способомъ и иньи достоенства и врьды, тивунства, хоружства и

державы, не маемъ никому иншому въ земли Жомойтской давати, одно родичомъ тобъ земли, которые съ продковъ своихъ, здавна, тамъ засѣли и урожени суть, и которыхъ они на тые врьды межю собою оберуть, а намъ ихъ черезъ посланцы альбо листы свои намѣнять, тымъ врьды тые давати повинны будемъ; а мимо властныхъ родичовъ Жомойтскихъ, на врьды и достоенства иншого народу людей не маемъ въ той земли Жомойтской прекладати.

4. Посланцовъ нашихъ господарскихъ некоторыхъ до земли Жомойтской, за рѣку Невяжу, водлѣ стародавнего звычайу заховывающихся, не будемъ посылати.

5. Тивунствъ и державъ двухъ никто не маеть держати.

6. Также тежъ въ суммахъ пѣнезей тивунствъ и державъ никому заводити, а ни тежъ частями заставовати.

7. Осѣлостей, также и спадковыхъ имѣней въ той земли Жомойтской, окромъ родичовъ тобъ земли Жомойтскоѣ, никому не маемъ давати, чого панъ староста Жомойтской зъ належности врьду своего постерегати будетъ повиненъ, яко бы ся ни въ чомъ привильямъ и вольностямъ родичомъ земли Жомойтской никакое ублженье не дѣяло.

8. Часу рушенья посполитого, пана старосты Жомойтского и иныхъ всехъ врьдниковъ, шляхты и бояръ, обывателей земли Жомойтскоѣ, отъ войска великого вального великого князства Литовского прирекаемъ не отрывать, а ни отлучати, а ни на заставу, ни на сторожу ихъ самыхъ особъ, ни слугъ ихъ посылати не будемъ, такъ, яко и за продковъ нашихъ великихъ князей Литовскихъ то ся имъ не дѣяло, абы отъ пана гетмана войска великого мѣли быти отлучиваны и на заставу або на сторожу посыланы: але завжды, часу рушенья посполитого, при насъ господарь, подъ справою пана старосты Жомойтского, весь гуръ пановъ врьдниковъ и всее шляхты земли

Жомойтскоѣ, не роздѣляючи нигдѣ отъ нихъ № 59. части никакъ, вси зъ — одного тягнути и подъ хоругвою земли Жомойтскоѣ становитися будутъ повинны.

9. Ловы мають быти вольные всякого звѣру обывателямъ преречоной земли, тамъ гдѣ передъ тымъ ловили, окромъ тыхъ лововъ, въ которыхъ ихъ милость великіе князья Литовские Витолтъ и Казимеръ ловили, за Нѣмною, къ границы Мазовецкой и Прусской, тамъ ловити не мають.

10. Также въ озерлахъ и въ рѣкахъ и въ рѣчкахъ гдѣ уступы здавна мѣвали, и теперъ уходы тые водлѣ давного уживанья вольные имъ зоставуемъ.

11. А лѣсничіе въ земли Жомойтской по одной сторонѣ Нѣмна и Невяжи не мають быти, одно въ тыхъ пуцахъ, которые суть надъ Нѣмною, къ границы Мазовецкой и Прусской, то есть, у Новой Воли и Вистинцу лѣсничіе наши будутъ водлугъ стародавнего обычая, для постереженья пожитковъ нашихъ.

12. Мыта въ земли Жомойтской, водлѣ стародавнего обычая, отъ шляхты и бояръ, которые товарые лѣсные въ пуцахъ имѣней своихъ властныхъ мають робити, также отъ жита и збожья всякого, которое они съ гуменъ своихъ властныхъ до Прусъ, Ифлянтъ и гдѣ индѣ спущати будутъ, абы не брано; также тежъ и отъ того, што на властную ихъ потребу домовую и военную будетъ куплено и назадъ проважано, мыто не маеть быти правлено: а вѣдьже сами, або ихъ слуги, которыхъ при тыхъ товаряхъ лѣсныхъ и збожью, унизь спущаючи, также што и назадъ провадити будутъ, присягнути мають, ижъ тые товары лѣсные во властныхъ ихъ имѣняхъ суть роблены, и збожья зъ гуменъ зъ имѣней ихъ властныхъ спущоны, и то што назадъ повезуть, на властную потребу, а не на продажу отъ нихъ есть куплено.

13. Выдащина и пересуды отъ большого до

№ 59. наменьшого стану обывателей земли Жомойтскоѣ не мають быти браны.

14. А отъ кошенья сѣножатей, которыхъ за продковъ нашихъ, ихъ милости великихъ князей Литовскихъ Витолта и Казимера не кошивали, и теперъ мають быти вольны.

15. Данинъ всякихъ, которые тивуномъ, державцомъ, шляхтѣ, бояромъ, отъ продковъ нашихъ королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, Витолта, Швитрикгайла, Жикгимонта князя великого, Александра, Казимера, Жикгимонта второго и Жикгимонта Августа, суть даные, такъ тежъ замѣны всякіе учиненые, — а хотя бы хто отъ давнихъ часовъ держачи и листовъ на то не мѣлъ, а во вживанью того былъ, — ни въ чомъ не маемъ нарушати, але ихъ въ цѣлости заховываючи, каждый держанья своего вѣчными часы спокойнѣ уживати маеть.

16. Вдовы стану шляхетского по смерти малжонковъ своихъ мають на имѣньяхъ мужовъ своихъ змерлыхъ zostавати и оныхъ уживати, до того часу, покуль у вдовемъ станѣ замужъ не ходячи трывати будутъ; а гдѣ въ малженство зася вступятъ, тогда имѣнья на потомки або на близкихъ мужовъ ихъ первыхъ приходити мають: вѣдѣже тотъ, который имѣнье возметъ, вѣно або оправу и тежъ што будетъ отъ мужа первого записано, повиненъ будетъ то ей заплатити.

17. Права и вольности хрестіанскіе всему рыцарству, шляхтѣ, бояромъ и всему посполству земли Жомойтской поступуемъ и даемъ такіе, якіе обывателемъ великого князства Литовского отъ продковъ нашихъ суть налажены; которыхъ всихъ бояръ и шляхту земли Жомойтской хочемъ и будемъ въ той же учетливости и бачности нашей господарской мѣти и ихъ ховати, яко и властные продки наши ихъ милость, Владиславъ король, и великій князь Витолтъ и иные великіе князи Литовскіе мѣли и ховали: и што — кольвекъ отъ продковъ нашихъ имъ будетъ надано, а

они того, яко имѣней и людей, такъ пущѣ и озеръ, отъ мала до велика, во вживанью до того часу были и суть, того всего спокойнѣ уживати вѣчнѣ мають.

18. Которые шляхта, за короля Владислава и за великого князя Витолта и иныхъ ихъ милости королей и великихъ князей Литовскихъ, вольностей шляхетскихъ уживали, тыхъ и теперъ за шляхту почитати и мѣти будемъ; а иное все посольство повинности въ службахъ давные, которые передъ тымъ чинивали, и теперъ ихъ полнити будутъ повинны.

19. А если бы ся кому зъ стану шляхетского брата собѣ ровного шляхтича съ пригоды яко трафило забити, тогда водлугъ привилевъ давныхъ, отъ продковъ нашихъ даныхъ, таковой забойца виненъ будетъ головшизны шестьдесятъ рублевъ, то есть, сто копъ грошей Литовскихъ платити.

20. Што тежъ черезъ ихъ милость Владислава и Витолта и иныхъ великихъ князей Литовскихъ, шляхтѣ, бояромъ и всему посполству въ земли Жомойтской, въ повѣстьхъ Росенскомъ, Крожскомъ, Кнетовскомъ, Пернаровскомъ, Медницкомъ, Кгойжовскомъ, Поштовскомъ, и въ иныхъ тивуньствахъ и державахъ, зъ стародавна есть надано, того всего, яко имѣней, селъ и людей, такъ тежъ пущѣ и озеръ, хто чого доселъ былъ въ держанью и уживанью спокойномъ, тые и теперъ вѣчными часы, сами и потомки ихъ, мають то держати и уживати.

21. Новинъ жадныхъ вводити, а ни постановляти въ той земли Жомойтской, также на заочное обжалованье никого карати не кажемъ: ажъ бы хто правомъ и доводомъ слышнымъ былъ поконанъ, таковой водлѣ выступу своего, съ права и съ суду каранье терпѣти маеть, водлугъ правъ оноѣ земли Жомойтскоѣ.

22. Общумемъ тымъ же способомъ, ижъ на заочное повѣданье, яко отнятемъ врьдовъ такъ имѣнья и некотороѣ маетности никого не

допустимъ карати, ажъ бы былъ правомъ посполитымъ, въ той земли звычайнымъ, водлѣ привилевъ ихъ первѣй осужонъ.

23. Листы заручные съ канцелярии нашеѣ, противъ вольностямъ земли Жомойтскоѣ, на заочное повѣданье не мають быти выданы.

24. Шляхта, бояре городовъ або замковъ рубити и дворовъ будовати, а ни на выправу земскую, то есть, на заставу и на сторожу сами ѣздити и тежъ слугъ своихъ посылати не суть и не будутъ повинны, окромъ тыхъ, которые за великого князя Витолта тые пошлины и повинности полнили, тые и теперъ чинити ихъ и полнити мають.

25. Дворовъ новыхъ въ той земли причиняти и будовати не кажемъ: одно тые дворы, которые за ихъ милости великихъ князей Литовскихъ Витолта и Александра суть побудованы, zostати и направованы быти мають.

26. Коней нашихъ на лежахъ подданные наши ховати и ихъ кормити не будутъ повинны.

27. А которые съ подданныхъ нашихъ за великого князя Витолта и иныхъ продковъ нашихъ куницы давали, а теперъ на волокахъ суть осажоны и цынши на нихъ вложены, тые водлугъ постановленья помѣры волочноѣ цыншъ платити мають.

28. Подарковъ и посуловъ отъ того, што кому мы господарь зъ ласки нашеѣ родичомъ оноѣ земли Жомойтскоѣ тамъ же въ той земли нашей дадимъ, никто зъ урядниковъ земскихъ, державцовъ и тивуновъ нашихъ, брати а ни ся ихъ домогати не маеть.

29. А ижъ врьдники, то есть, каштеляпъ, подкоморый и войскій, также судья, подсудокъ и писарь земскій передъ тымъ въ земли Жомойтской не были, але ново, за продка нашего короля его милости славноѣ памяти Жикгимонта Августа суть причинены и постановлены, мы господарь, за причину пана Виленского, старосты Жомойтского, маршал-

ка земского великого князства Литовского, administrators и гетмана земли Авелянтскоѣ, старосты Ковенского, державцы Плотельского и Тельшовского пана Яна Ходкевича, на Шкловъ и Мышы кграби, а за жедаьемъ всихъ врьдниковъ, шляхты и рыцарства родичовъ земли Жомойтскоѣ, къ большоѣ тоѣ земли оздобъ, до первыхъ стародавнихъ врьдовъ и тые новые вѣчными часы тамъ уставляемъ и симъ листомъ нашимъ ихъ утвержаемъ. А на обранье електовъ на врьды всякіе въ той земли Жомойтской, то есть, на староство Жомойтское, каштелянство, подкоморство, войское, тивуньство, державцы, судьи и подсудка и писаря земскихъ, и на иные врьды, гдѣ который съ тыхъ теперешнихъ пановъ радъ нашихъ и врьдниковъ земли Жомойтскоѣ на большое достоинство преложонъ будетъ, або тежъ умретъ; тогда, коли того потреба укажетъ, позволяемъ мы господарь, за причину предреченого его милости пана Виленского, старосты Жомойтского, и за жедаьемъ всихъ становъ земли Жомойтскоѣ, зъѣзжались до Росейнъ: и кого тамъ на яке достоинство и врьдъ межи собою оберутъ, намъ водлѣ стародавнего обычая ознайти мають; а мы господарь тому, яко вышей въ семъ листѣ нашомъ есть доложено, тотъ врьдъ, заховываючи водлугъ привилевъ ихъ, дати общумемъ.

30. Яко тежъ перво сего, за позволеньемъ продка нашего короля его милости и великого князя Жикгимонта Августа, тотъ, который привилья и вольности Жомойтскіе за порученьемъ всеѣ шляхты въ схованью у себе мѣвалъ, отъ войны былъ вызволенъ; такового каждого и мы господарь вольнымъ отъ того завжды быти чинимъ.

31. Которые артыкулы вышей помѣненные, и иные вси права, свободы, вольности и привилья, отъ наяснѣйшихъ королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, продковъ нашихъ, всимъ родичомъ земли Жомойтскоѣ

№ 60. стану и народу шляхетского, на листяхъ паргаминовыхъ и паперовыхъ по Латинъ и по Руску написаны и имъ даны суть, и хотя бы што тыхъ вольностей въ томъ привилію нашимъ не было написано, тогда мы варуемъ, иже то свободамъ ихъ шкодити не маеть, але въ цѣлой суполности, такъ, яко бы въ семъ листѣ нашомъ выобразены были, во всемъ цалѣ и непорушии не одно захвати и ихъ ни въ чомъ не вменшати, але имъ, яко вѣрнымъ слугамъ и подданнымъ нашимъ, зъ ласки и щедробливости наше господарскоѣ (въ томъ ихъ милости предковъ нашихъ, королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ наследующи), тымъ большъ примножати и причинати хочемъ, и словомъ нашимъ господарскимъ и подъ обовязкомъ присяги наше держати то имъ обѣцуюмъ, якожъ вси права, свободы, вольности, данины и привилія имъ отъ предковъ нашихъ наданы, симъ листомъ и привиліемъ нашимъ во всехъ кондиціяхъ, способахъ и артыкулѣхъ ихъ утверждаемъ, ухваляемъ, и оныя за мощные вѣчными часы признаваемъ, ничего въ тыхъ всехъ вольностяхъ и данинахъ, въ привиліяхъ, въ артыкулѣхъ и способѣхъ вышней описаныхъ, и тежъ въ стародавнихъ звыклыхъ обычаяхъ ихъ не нарушаючи, въ цѣлой суполности ховати ихъ обязуемъ; и, абы во всемъ были въ стародавней пристойности и владности хованы и держаны, о томъ зъ наибольшимъ услованьемъ нашимъ старатися будемъ. А естли въ оной земли правамъ и вольностямъ што ся противного стало за предковъ нашихъ; тогда то водлѣ первого порядку и свободъ, вольностей и обычаевъ стародавнихъ поправити обѣцуюмъ, и сами мы господарь того, што бы было противного правамъ и вольностямъ земли Жомойтскоѣ, чинити не будемъ и иному того чинити не допустимъ; а то што бы къ сказъ вольностей и привиліевъ, листовъ и данинъ, отъ предковъ нашихъ родичомъ того панства нашего земли Жомойтскоѣ нада-

ныхъ, стало и ихъ уближило, або тежъ черезъ насъ, або вриадниковъ и посланцовъ нашихъ, за листы нашими, въ чомъ ся выкроити мѣло: тогда то жадноѣ mocy мѣти не будетъ, и то симъ листомъ и привиліемъ нашимъ въ нивечъ оборочаемъ и за прожное и даремное мѣти хочемъ, заховываючи ихъ во всемъ при ихъ стародавнихъ обычаяхъ и тежъ правѣхъ, свободахъ, вольностяхъ и привиліяхъ, отъ предковъ нашихъ, королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ наданныхъ, и отъ насъ господаря черезъ сесь привиліей нашъ имъ утвержонныхъ, до которого, для большоѣ твердости, руку нашу подписавши и печать нашу привѣсити есмо казали. Писанъ у Краковѣ, на вальномъ соймѣ корунацїи наше, при бытности ихъ милости пановъ радъ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ, мѣта Божьего нароженья 1574, мѣсяца Апрѣля 9 дня. — «Henricus Rex.»

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. LVII, л. 58 и слѣд.), хранящейся при Правительствующемъ Сенатѣ, въ С. Петербургѣ.

60. — 1574 въ Сентябрѣ или позже. Посольскія рѣчи Московскаго государя Иоанна Васильевича Литовскимъ раднымъ панамъ, о продолженїи перемирїя, съ требованіемъ опасной грамоты царскимъ посламъ.

Бога въ Троицы славимого милостью, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астороханскій, государь Псковскій, и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, государь и великій князь Новгорода Низовскіе земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Белоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскія земли и сѣверныя страны повелитель, и государь отчинный земли Лифлянтскія и иныхъ, вамъ паномъ

радамъ великаго княжества Литовскаго вельбъ поклонитися.

Да подати грамоту вѣрющую.

А бывъ у пановъ радъ великаго княжества Литовскаго, быти и у пановъ радъ коруны Польскіе, и поклонъ правити, и вѣрющую грамоту подати, и рѣчь говорити потомужъ что и Литовскимъ паномъ.

А сюю рѣчь говорити паномъ радамъ великаго княжества Литовскаго:

Бога въ Троицы славимого милостію, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси и многихъ земель господарь, вельбъ вамъ говорити: Посылали есми къ вамъ паномъ радамъ великаго княжества Литовскаго гонца нашего Федора Елизарьева сына Елчанинова, для своихъ дѣлъ; и вы, панове рада духовные и свѣтскіе коруны Польскіе и великаго княжества Литовскаго, которые на тотъ часъ межи собою съѣхалися, гонца нашего Федора Елчанинова съ грамотою къ намъ отпустили, и въ той грамотѣ къ намъ писали, что есте съ нашимъ гонцомъ съ Федоромъ Елчаниновымъ на наши послы грамоты опасной не приедали, потому что многіе изъ васъ съ того съѣзду розѣхалися; а до того бы часу, поколь наши у васъ послы будутъ, а ваши послы у насъ будутъ и дѣло доброе къ покою христіанскому поставивать: и намъ бы, для покоя въ христіанствѣ, по всемъ границамъ и замкамъ украиннымъ, воеводамъ и державцамъ и всемъ людемъ нашимъ, въ господаря вашего панствахъ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ земли Лифлянтской, некоторыхъ шкодъ и зачѣпокъ чинити не велѣти; а вы потомужъ всемъ воеводамъ и старостамъ и державцамъ и всемъ людемъ пограничнымъ въ тѣхъ панствахъ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ земли Лифлянтской, велѣли заказати миръ и покой во всемъ захвати. А сее зимы прошлые, нѣкоторые наши воинскіе люди въ землю господаря вашего Лифлянтскую войною приходили, и немалые

шкоды и спустошенья господаря вашего земли учинили, и людей многихъ въ полонъ вывели; а вы того не вѣдаете, съ нашего ли то вѣдома, или безъ нашего вѣдома: и намъ бы такovýchъ винныхъ скарати сыскавши, и людей господаря вашего изъ земли Лифлянтской полонномъ выведеныхъ добровольно отпустити. И мы вашу грамоту вычли и вырозумѣли гораздо; и что есте къ намъ писали, что есте на наши послы грамоты опасныя не прислали, потому что многіе изъ васъ съ того съѣзду розѣхалися: и вы бы, панове рада великаго княжества Литовскаго, мимо первого обычая новаго дѣла не вчинали. Во всехъ государствахъ обычай поведенъ тотъ, что изъ государствъ въ государства послы и посланники ходять по опаснымъ грамотамъ, а безъ опасныхъ грамотъ послы и посланники изъ государства до другаго государства не ходять; и намъ за тѣмъ пословъ своихъ посылати не лѣзъ. И вы бы, панове рада великаго княжества Литовскаго, на наши большіе посланники, или на меншіе послы грамоту опасную къ намъ прислали, съ нашимъ посланникомъ съ Лукою Захарычемъ съ Новосилцовымъ; а мы по той вашей опасной грамотѣ, своихъ большихъ посланниковъ или меншихъ пословъ пошлемъ не мѣшкаючи, и съ ними о всякихъ о своихъ дѣлахъ къ вамъ прикажемъ подлинно, какъ межи насъ и господарствѣ коруны Польскіе и великаго княжества Литовскаго доброе дѣло совершити и постановити, къ прибытку всего христіанства. И вы бы, панове рада великаго княжества Литовскаго, потомужъ то доброе дѣло дѣлали, не опускаючи, для покоя христіанскаго. А что есте писали о перемирїѣ, чтобы намъ рати и войны не вчинати: и мы яко есми государь христіанскій, завсе у Бога сотворителя милости просимъ о покоѣ христіанскомъ, не радуяся кровямъ христіанскимъ, и, жалѣя о христіанствѣ, по всемъ граничнымъ мѣстамъ бояромъ своимъ и намѣстникомъ и воеводамъ заказали есми

№ 61. крѣпко, чтобы рати и войны не всчинали и пограничнымъ людямъ обидѣ и зачѣпокъ чинити не велѣли, до тѣхъ мѣстъ, пока наши большіе посланники или меншіе послы у васъ будутъ, а ваши великіе послы у насъ будутъ, и тое доброе дѣло, на покой христіанскій постановленіе учинятъ. А вы бы, панове рада великого княжества Литовского, по всемъ граничнымъ мѣстамъ, воеводамъ и справцамъ и старостамъ и державцамъ заказали накрѣпко, рати и войны чтобы не всчинали и порубежнымъ нашимъ людямъ обидѣ и зачѣпокъ которыхъ чинити не велѣли. А что есте писали, что себѣ зимы нѣкоторые наши воинскіе люди въ землю господара вашего войною приходили, и немалые шкоды и спустошенія господара вашего земли учинили, и людей много въ полонъ вывели; и намъ бы таковыхъ виновныхъ скарати сыскавши, а людей господара вашего изъ земли Лифлянтской полономъ выведенныхъ добровольно отпустить: ино себѣ зимы посылали есмь бояръ своихъ и воеводъ съ воинскими людьми, потому, что Лифлянтская земля отъ прародителей нашихъ, искони вѣчная отчина наша; а приходили Нѣмецкіе люди съ Лифлянтскихъ городовъ на Юрьевскіе и на Вильянскіе и на Падежскіе мѣста войною часто, и подѣ нашимъ городомъ подѣ Ракоборомъ многое время стояли и къ городу приступали; и рать наша воевали Нѣмецкихъ людей, а не Литовскихъ. А первѣй сего господара вашего люди, Полубенскій съ товарищи, въ перемирные лѣта, пришедши въ нашу землю, городъ были Изборскъ взяли; а нынѣ, не въ давнихъ часѣхъ, писалъ къ намъ изъ нашей отчины изъ Лифлянтской земли намѣстникъ Юрьевскій и воевода князь Афанасей Шейдаковичъ Нагайскій, что приходили въ мѣсяцъ въ Іюль изъ Володимерца и съ Трєката да изъ Клазбора Литовскіе и Нѣмецкіе люди, вмѣстѣ съ нашими измѣнники съ Тубомъ да съ Илертомъ, и, пришедши въ нашу отчину въ Лифлянтскую землю, въ Юрьевскіе уѣзды въ Ан-

кахъ и Овалокъ, по рубежу къ Говесову многіе мѣста воевали, и людей нашихъ побивали, и въ полонъ имали: и мы, яко есмь государь христіанскій, и на то не смотрѣчи, рати и войны не всчинаемъ, а свое слово крѣпко держимъ, по тому яко есмь первѣй сего съ вашими посланники къ вамъ приказывали, что по вашему прошенью, на ваши незгоды не стали есмь, и въ Ливонскую землю рати и войны не посылаемъ, и на кровь христіанскую не прагнемъ. И вы бы, панове рада великого княжества Литовского, того стерегли накрѣпко, и такими задоры доброго дѣла не рушили, которое бы дѣло къ прибытку всего христіанства совершилось. А нашего бы есте посланника Луку Захарьича Новосильцова съ опасною грамотою къ намъ отпустили, не мѣшкаючи, на нашихъ болшихъ посланниковъ или меншихъ пословъ, чтобы далъ Богъ, межѣ насъ и господарствы коруны Польскія и великого княжества Литовского тое доброе дѣло ранѣе совершилось, къ прибытку всего христіанства. А подлинно о Лифлянтской землѣ прикажемъ мы къ вамъ къ паномъ радамъ своими послы и посланники.

Современный списокъ писанъ Бѣлорусскою скорописью, на двухъ листахъ. Скрыты нѣтъ. На оборотѣ послѣдней страницы отмѣчено: Przepis ustnego mówienia posłańca Moskiewskiego, które za listem wierzącym mówił przed panu radą w. ks. Lith. Datum не означено.

Хранится въ Императорской Публичной Библиотецѣ.

61. — 1574 въ Ноябрь. Наказная грамота Литовской рады польному гетману Христофору Радивилу, объ уменьшеніи числа пѣхотныхъ ратниковъ и казаковъ въ украинныхъ замкахъ, въ надеждѣ на перемиріе съ Московскимъ Царемъ.

Валеріанъ, зъ ласки Божей бискупъ Виленскій; Миколай Паць, бискупъ Кіевскій; Миколай Радивиль, воевода Виленскій.

канцлеръ великого княжества Литовского, староста Лидскій и Мозырскій, державца Борисовскій; Янъ Ходкевичъ, грабя на Шкловъ и Мыши, панъ Виленскій, староста Жомойтскій, маршалокъ земскій великого княжества Литовского; Остаеѣй Воловичъ, панъ Троцкій, подканцлеръ великого княжества Литовского, староста Берестейскій и Кобрынскій; Юрь Тишкевичъ — Логойскій, воевода Берестейскій, староста Волковыскій; Миколай Талвошъ, каштелянъ Жомойтскій, староста Дынеборскій, тивунъ его королевской милости земли Жомойтсковъ Бержнянскій; Григорей Воловичъ, каштелянъ Новгородскій, староста Слонимскій; Павель Паць, каштелянъ Витебскій, староста Вилькомирскій; Янъ Гайко, каштелянъ Берестейскій, конюшій Городенскій, староста Трабскій; Миколай Нарушевичъ, подскарбій земскій великого княжества Литовского, писарь его королевской милости, державца Марковскій, Мядельскій, Ушпольскій и Пеняскій; Миколаю Криштофу Радивилу, на Олыць и Несвижу князятъ, вельможному пану гетману, маршалку дворному и подчасному великого княжества Литовского, старостѣ Солецкому. Маючи того вѣдомость отъ твоей милости, яко гетмана, ижъ на тотъ часъ по всемъ замкамъ украиннымъ того панства великого княжества Литовского, въ ротахъ пѣшихъ есть личбою тысяча шесть сотъ и пять драбовъ: ино мы рады, подѣ тымъ часомъ перемирія съ великимъ княземъ Московскимъ, таковоѣ личбы драбовъ на замкахъ украинныхъ не видимъ быть потребу, одно, абы замки украинные въ доброй осторожности были, фолгуючи тежѣ въ томъ расходѣ великимъ скарбу земского тутошнего панства, а бачучи то, ижъ на всехъ замкахъ, подѣ тымъ часомъ покою, досыть есть драбовъ шести сотъ шестидесять пяти, а къ тому козаковъ сорокъ и пять. Про то, водѣ того замѣренія нашего, рачъ твоя милость, всемъ паномъ ротмистромъ почтовъ ротъ ихъ ува-

№ 62. ши, подѣ уваженія своего, на которомъ замку съ ротмистромъ якій почотъ драбовъ не стати маеть, листы своими паномъ ротмистромъ, яко гетманъ, службу приповѣдати, на которыми листы приповѣдными, заплатити имъ съ скарбу земского того панства великого княжества Литовского будетъ чинена. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего нароженія 1574, мѣсяца Ноября . . . дня.

Подлинникъ писанъ на листѣ. Въ концѣ акта приложено 12 сенаторскихъ печатей. На оборотѣ отмѣтка слѣдующая: List przypowiedny od ich mości panów rad w. ks. Lit. na drabów i kozaków; Krzysztofowi Radziwiłowi, i datum акта. Хранится въ Императорской Публичной Библиотецѣ.

62. — 1575 Февраля 21. Оважная грамота Литовской рады Московскимъ царскимъ посламъ, на прогъздѣ въ Литву и Польшу.

Мы рады великого княжества Литовского, которыхъ есмь на тотъ часъ у Вильни были: Валеріанъ, зъ ласки Божей бискупъ Виленскій; Миколай Юрьевичъ Радивиль, воевода Виленскій, канцлеръ великого княжества Литовского, староста Лидскій и Мозырскій, державца Борисовскій; Янъ Ходкевичъ, грабя на Шкловъ и Мыши, панъ Виленскій, староста Жомойтскій, маршалокъ земскій великого княжества Литовского, администраторъ и гетманъ земли Лифлянтской, староста Ковенскій, державца Плотельскій и Тельшовскій; Янъ Яновичъ Глѣбовича, каштелянъ Менскій, державца Оникштенскій; Миколай Криштофъ Радивиль, маршалокъ дворный великого княжества Литовского. Што великій господарь Иванъ Васильевичъ, Божьею милостью государь всея Руси и великій князь, Володимерскій, Московскій, Новгородскій, Казанскій, Астараханскій, Псковскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, всказывалъ до насъ черезъ послаца своего

№ 63. Луну Захарыча Новосильцова, хотячи больших своих посланниковъ або меньшихъ пословъ до пановъ радъ ихъ милости Польскихъ и до насъ радъ великого князства Литовского послати: ино мы, при клейтъ пановъ радъ ихъ милости Польскихъ, братья наше, даемъ сесь нашъ листъ клейтовный, называемый опасный, за которымъ клейтомъ нашимъ и клейтомъ ихъ милости пановъ радъ Польскихъ, посланникомъ великого господаря Ивана Васильевича, Божьею милостью государя всея Руси и великого князя большимъ, або посломъ меньшимъ, кого великий госпдарь Иванъ Васильевичъ, Божьею милостью государь всея Руси и великий князь пошлетъ, вольно будетъ со всеми людьми и статками ихъ до тутошнего панства великого князства Литовского и до коруны Польской ити, и назадъ до господаря своего также со всеми людьми и статками своими вернуться, безъ всякого гамованья и зачепки. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего нароженья 1575, мѣсяца Февраля 21 дня.

Современный списокъ писанъ на полулистъ. Скрыты нѣтъ.

Хранится въ Императорской Публичной Библиотецѣ.

63. — 1575 въ началѣ Августа. Окружная грамота Литовской рады, о походы гетмана Радивила съ отрядомъ жолнеровъ на границы, для охраненія ихъ, въ слѣдствіе слуховъ о вторженіи Русскихъ въ Ливонію, и о подвозъ имъ кормовъ.

Велебнымъ въ Бозѣ и ясневельможнымъ паномъ радамъ ихъ милости великого князства Литовского, духовнымъ и свѣтскимъ,

паномъ маршалкомъ, старостамъ, и всемъ врядникомъ земскимъ и рыцерству великого князства Литовского. Мы рады великого князства Литовского, духовные и свѣтскіе, которые есмо на тотъ часъ, въ року теперешнемъ лѣта Божьего нароженья 1575, мѣсяца Августа первого дня, до Вильни для потребъ земскихъ зъѣхалися, и за тою небезпечностью, о которой до насъ зъ земли Инфлянтской вѣдомость дошла, ижъ князь великій Московскій замки къ великому князству Литовскому належаціе, вославши войска свои, побралъ — постерегаячи того, абѣ тотъ непріятель умыслу своего не розширилъ, а также въ панства Литовскіе, яко въ землю Инфлянтскую, безъ вѣсти не вторгнулъ, урядили есмо споломъ зъ рыцерствомъ отпавити на границы гетмана польного, подчасного великого князства Литовского, старосту Солецкого, его милость пана Криштофа Радивила, приповѣдавши его милости службу на дванацать сотъ жолнеровъ ѣздныхъ. Про то, гдѣ его милость панъ гетманъ самъ, або поручники надъ тымъ вышей-мененымъ войскомъ оборочатися воля потребности будутъ, ваша бы милость, яко въ тягненью, такъ и на лежахъ, живности за пѣнези, подлѣ уставы на то учиненой, такъ на кони яко и на ихъ самыхъ не боронили; а они готовыми пѣнязи за живность всякую платити будутъ повинны. О томъ бы ваша милость вѣдали. Писанъ въ Вильни, лѣта Божьего нароженья 1575.

Подлинникъ писанъ на листъ. Въ концѣ акта приложено шесть сенаторскихъ печатей. Скрыты нѣтъ.

Хранится въ Императорской Публичной Библиотецѣ.

Х. ГОСУДАРСТВОВАНИЕ СТЕФАНА БАТОРІА.

№ 64. — 1576 Юля 7. Челобитная грамота Стефану Брацлавской шляхты, о томъ, чтобы велько было королевскіе указы къ нимъ писаны по Русски, а не на Польскомъ языкѣ.

Наисвѣтшій, милостивый королю, пане а пане нашъ милостивый! Даны суть листы, черезъ дворянина вашей королевской милости пана Оршевского, братья нашей, наименьшимъ слугамъ и подданнымъ вашей королевской милости, писомъ Польскимъ писаные, повываючи ихъ передъ маестатъ вашей королевской милости нашего милостивого пана. Хотяжъ, наисвѣтшій милостивый королю, за повстановленьемъ унѣ, листы съ канцлерыи вашей королевской милости не ивакимъ, одно Рускимъ писомъ мають быти выдаваны: мы tedy, наисвѣтшій милостивый королю, въ чомъ не будучи есмо о тые позванные братья наши спротивны воли и розказанью вашей королевской милости, вжо на тое розказанье вашей милости госпдарское ѣхати къ вашей королевской милости были готовы. Нижли, будучи есмо подъ тотъ часъ у великомъ ватрешененью и небезпеченствѣ отъ непріятели отъ Татаръ, отъ себе есмо ихъ не пустили; а вшикожъ мы предъся послали къ вашей королевской милости брата нашего, пана Янковского, и покорными нашимъ прозбамъ вашей

королевской милости нашего милостивого пана просимо, абѣ наша королевская милость, въ милостивой лѣвкѣ своей королевской, тыхъ братья пану позваныхъ отъ року и отъ пововѣ вольными учинити и захвати розказати рачиль: и гдѣжъ, наисвѣтшій милостивый королю, то ея намъ дѣветъ надъ право волюности наше, ижъ листы съ канцлерыи вашей королевской милости до насъ писомъ Польскимъ выдавають. За што и впродѣ вашей королевской милости нашего милостивого пана покорными нашимъ прозбамъ просимо, абѣ ваша королевская милость при привилегиіи освобождѣ нашихъ насъ захвати, и до насъ листы съ канцлерыи вашей королевской милости Рускимъ писомъ выдавати розказати рачиль; а напотомъ, гдѣ кто въ томъ вынѣнъ зостанеть, сираватися мусить. А ба тымъ найнизшые службы нашъ милостивой маестъ вашей королевской милости госпдарю нашему залецаемъ. Писанъ въ Брацлавли, мѣсяца Юля 7 дня. — «Найнизшые слуги и вѣрныи подданные в. к. м., вся шляхта рыцерство воеводства Брацлавского покорно низко чоломъ бьютъ».

Подлинникъ писанъ современно скорицкю. Внизу акта приложенъ 22 перстиевыи гербовыи печати. На оборотѣ листа надпись: Наисвѣтшій милостивый королю, пану нашему